

— Я серьезно, в этот раз Ван Шо ведет себя совсем иначе, его эмоциональное состояние оставляет желать лучшего. Он в курсе твоих дел, и если ты продолжишь его игнорировать, кто знает, на что он способен. Начальству, в лице твоего отца, это вряд ли понравится.

В прошлый раз из-за истории с автогонками Чи Чэн просидел под домашним арестом целую неделю, но Чи Юаньдань даже не подозревал, что это был самый незначительный из всех проступков его сына.

Чи Чэн протянул руку, и Ли Ган тут же догадался, вложил в нее сигарету, помог прикурить и замер, ожидая распоряжений.

В отличие от суетливого Ли Гана, Чи Чэн выглядел невозмутимым. Он не спеша выкурил половину сигареты и лишь затем, без лишней суеты, произнес:

— Ты правда думаешь, что старик не знает о моих делишках?

Ли Ган на мгновение опешил, но тут же все понял. Как бы там ни было, Чи Чэн — всего лишь студент, а Чи Юаньдань — человек, ворочающий делами государственного масштаба. Старый конь борозды не портит: у Чи Юаньдана единственный сын, он не мог не держать его в поле зрения. Даже если он не знал деталей, общую картину наверняка представлял.

Ли Ган призадумался:

— Тогда почему он тебя запер?

Если отец обо всем знал, зачем было сажать собственного сына под арест на неделю? Этого он понять не мог.

Чи Чэн докурил, потянулся за следующей сигаретой. Ли Ган тут же подсуетился:

— У тебя что, на эти два дня сигареты кончились? Впрочем, здесь их вряд ли купишь. У меня в машине еще две пачки, я принесу.

— Не надо, — Чи Чэн сделал глубокую затяжку. — Докурю эту, и хватит.

Ли Ган удивленно моргнул:

— Ты решил бросить? С чего бы это вдруг?

— Ни с чего, — равнодушно бросил Чи Чэн. — Кое-кто не переносит запах табака, пока не курю.

— А? Кто?

Ли Ган про себя усмехнулся: надо же, нашелся человек, мнение которого Чи Чэну небезразлично.

Чи Чэн промолчал.

Видя такое дело, Ли Ган проявил такт и не стал допытываться, вернувшись к прерванному разговору:

— И все же, раз господин Чи все знал, зачем было тебя запереть?

Чи Чэн докурил, бросил окурок на землю и растер его белой кедой. Когда Ли Ган снова предложил сигарету, он жестом отказался и медленно ответил:

— Ради приличий. Пока дело не вынесено на публику, ему лень вмешиваться. Но если это ударит по его репутации, он непременно примет меры.

Ли Ган задумчиво кивнул:

— А если Ван Шо все разболтает во всеуслышание, что тогда?

В глазах Чи Чэна промелькнула тень:

— Значит, он сам решит порвать наши братские узы.

Услышав слово братские, Ли Ган остолбенел:

— Вы же братья? А разве ты не говорил, что хочешь сделать его своей второй половинкой...

Именно из-за этих слов Чи Чэна Ли Ган всегда относился к Ван Шо с величайшим почтением и исполнял любые его просьбы, а сам Чи Чэн молчаливо поощрял его роль помощника Ван Шо.

Чи Чэн всегда был очень заботлив по отношению к Ван Шо. Ли Ган слышал, как Чи Чэн называл братом Го Чэньюя, но чтобы так же отзываться о Ван Шо — такое он слышал впервые.

Чи Чэн долго молчал.

Он и сам не понимал, почему назвал его братом. Он не мог отрицать: его решение быть с Ван Шо было взвешенным, а не сиюминутным порывом.

Еще несколько дней назад он твердо ждал ответа от Ван Шо. Если бы тот согласился, Чи Чэн был уверен, что они проживут вместе всю жизнь. Он даже представлял, как они с Го Чэньюем после выпуска откроют свое дело, а жить будут в одном доме, просто на разных этажах.

Но за последние дни он испытал странное чувство, какого не знал за все двадцать лет жизни. Его сердце начало непроизвольно склоняться в другую сторону.

Видя, что тот молчит, Ли Ган начал размышлять вслух, пытаясь утешить друга:

— На самом деле, мне кажется, ты и правда воспринимаешь Ван Шо как брата. Иначе не стал бы постоянно прятаться от него или не брать трубку. Это совсем не похоже на поведение влюбленного человека.

Чи Чэн ответил:

— Я просто считаю, что мы взрослые мужики, нет нужды постоянно висеть друг у друга на шее.

С его точки зрения, он искал уединения, потому что Ван Шо был эмоционально нестабилен и постоянно закатывал истерики. Тот хотел знать каждую минуту, где Чи Чэн и что делает. Даже если он уходил помогать с экспериментами на другой факультет, Ван Шо требовал видеоотчеты. Чи Чэну было в принципе все равно, но даже когда он исправно отчитывался, Ван Шо все равно устраивал скандалы.

До того как Чи Чэн признался в чувствах, Ван Шо разгонял всех, кто проявлял к нему интерес. Но даже если бы Ван Шо не вмешивался, Чи Чэн все равно не воспринимал эти интрижки всерьез. А решив быть с Ван Шо, он и вовсе остепенился.

Ли Ган хмыкнул:

— Судя по твоим словам, ты раньше был действительно влюблен в Ван Шо и хотел связать с ним жизнь!

Чи Чэн отрезал:

— Очевидно.

Они так увлеклись разговором, что не заметили притаившуюся за стеной фигуру. У Совэй услышал лишь обрывки фраз, но слова влюблен в Ван Шо и хочу быть с ним отчетливо долетели до его ушей.

У Совэй тут же помрачнел. Судя по тому, как они общались последние два дня, он был уверен, что Чи Чэн уже увлечен им и с Ван Шо все кончено.

Оказывается, ха-ха, Чи Чэн с остальными просто играет, а с Ван Шо все серьезно. Слова старшекурсницы из Цзинхуа эхом отозвались в голове У Совэй.

У Совэй душила ярость. Выходит, Чи Чэн притаился сюда хвостиком, считая его легкой закуской, а законное место в сердце все еще занимает Ван Шо. Конечно, первая любовь — это

совсем другое дело.

У Совэй стиснул зубы:

— Ладно, Чи Чэн, раз ты держишь меня за игрушку, посмотрим, кто из нас еще окажется игрушкой!

Вернувшись в комнату, он начал собирать вещи. Вошел Чи Чэн:

— Что делаешь?

У Совэй даже не поднял головы:

— Возвращаюсь в университет.

Чи Чэн сел на край кровати и рывком притянул его к себе:

— У нас пятидневный отпуск, до начала занятий еще три дня.

У Совэй вырвался, с ледяным выражением лица глядя на него, и отчеканил:

— Моя девушка ждет меня в университете. Ей страшно по ночам, я должен быть с ней.

Улыбка мгновенно сползла с лица Чи Чэна:

— У тебя есть девушка?

У Совэй усмехнулся:

— Есть. Ань Цин, первая красавица университета.

Чи Чэн вспыхнул от гнева. Не говоря ни слова, он повалил парня на кровать. Летнее одеяло было тонким, и с глухим стуком спина У Совэя ударились о деревянное основание, отчего половину тела пронзило онемение.

Чи Чэн, нахмурившись, впился взглядом в глаза У Совэя:

— Имея пару, пришел ко мне подкатывать? Ты, мать твою, что творишь?

Чи Чэн не считал себя образцом морали, но опускаться до того, чтобы уводить кого-то, не собирался — да и не было нужды, слишком много желающих прыгнуть в его объятия.

Иными словами, он терпеть не мог, когда его использовали как забаву или объект для любопытства.

У Совэя распирало от злости. Вспомнив слова Чи Чэна, он был готов вlepить ему пощечину, но понимал: ударить — мало, нужно ударить по больному.

— А что я такого сделал? Разве не ты сам ко мне прилепился? Почему теперь винишь меня?

В его взгляде читался вызов. Любой мужчина с трудом стерпел бы подобное унижение, а уж такой избалованный сноб, как Чи Чэн, должен был прийти в бешенство.

Так и случилось. В следующую секунду рука Чи Чэна сомкнулась на горле У Совэя.

Чи Чэн смотрел на него сверху вниз, и в его глазах клубилась тьма:

— Попробуй повторить, если смелый.

<http://bllate.org/book/20872/2107333>